

варь значительно к этому приблизился, подтвердят многие благодарные его пользователи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. 1999 – Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: "Русские словари". 1999. 396 с.

Исследование М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой – один из первых опытов монографического описания живой устной речи города (см., например [Прокуровская 1996]). Задача осложняется тем, что объектом описания выступает речь жителей столицы – многомиллионного мегаполиса. Именно поэтому авторы тщательно отбирают информантов, круг которых составляют коренные москвичи и люди, давно живущие в Москве. Так, в списке информантов-рассказчиков (с. 49–50) значатся москвичи в нескольких поколениях (Т.В. Иванова – 93 года, коренная москвичка; М.Е. Миртов – 70 лет, коренной москвич) и люди, длительное время прожившие в Москве (В.Д. Берестов – 52 года, в Москве с 1944 г.; Н.С. Кочарова – 45 лет, родилась в Ташкенте, в Москве живет с 3-х лет).

Языковой паспорт информанта включает сведения о социальном происхождении, позволяющие проследить семейные и шире – социокультурные речевые традиции, а также межкультурные речевые влияния (дочь известного книгоиздателя М.В. Сабашикова; дочь купца 1 гильдии, вдова купца 1 гильдии; дочь выдающегося русского филолога Д.Н. Ушакова, жена авиаконструктора А.А. Архангельского; Н.И. Ильина, писательница, из дворян, родители эмигрировали после революции). Принадлежность к сословию (дворянскому, купеческому) остается, как следует из материалов разговорного взаимодействия, маркером русской речевой культуры. В этом же ракурсе можно рассмотреть образцы просторечия – разнообразные в тематическом и жанровом отношениях.

Тексты воспроизводят речевые портреты носителей столичной речевой культуры (см. [Китайгородская, Розанова 1995]). Целый ряд записей воспроизводит речь с установкой на творчество, отражающую индивидуальность говорящего. Установка на

Abel J. 1999 – Die Sprache des Internet von A bis Z. München, 1999.

Augst G. 1998 – Wortfamilienwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1998.

Kuntzsch L. 2000 – 100 Wörter des Jahrhunderts (Auswahl). Gesellschaft für deutsche Sprache. Wiesbaden; Moskau. 2000.

В.Д. Девкин

творчество сближает речь разговорную с речью художественной, например, рассказы З.С. Паперного, В.Д. Берестова. Записи позволяют обнаружить не только особенности индивидуальной стилистики речи, но и формы воздействия на языковое сознание собственно русской культуры и культуры тоталитарной; внутрисемейной культуры и культуры профессиональной. Уникальны тексты, позволяющие проследить процесс самоанализа культурных, в том числе инокультурных, влияний, факторы отбора и реализации ситуативно заданных речевых жанров, оценку и переоценку ценностных объектов [например: "А когда пришла Октябрьская революция, то я абсолютно не понимала, на чьей я стороне" (рассказ Тамары Владимировны Ивановой о своей юности)]. Авторам удалось представить разговорный дискурс, дающий представление о философичности русского народа. В монологах и диалогах москвичей запечатлены зрелость, выстраданность суждений о времени, жизни, судьбе. Иногда культурно-фоновый контекст оттеняет неожиданность таких суждений и умозаключений [например: "И тридцать седьмой год – это был для меня год слепящей красоты" (из воспоминаний Татьяны Григорьевны Винокур)]; в ряде случаев суждения рассказчика отвечают культурно-фоновым ожиданиям [например: "...он (Сталин) знаменитый свой с... сказал тост-то / "человек винтик-то" // (...) Я с ним / согласна между прочим / с какой-то такой философской точки зрения / что каждый человек / должен делать свое дело"//].

Нельзя не сказать о том, что разговорный материал достоверно воспроизводит быт москвичей: семейный уклад, заботы, отношение к труду и профессии, человеческие контакты и др. Тексты дают возможность проследить гендерное своеобра-

зие речи [например: *"Все-таки мужики чудные – у-ужас!"* (беседа приятельниц за чаем во время обеденного перерыва)].

Диалоги и полилоги выступают как источник ценных сведений о роли ситуации в процессе общения, о ролевых функциях участников общения, о традициях русского диалогического взаимодействия.

Безусловно собственно лингвистическая ценность материала, обнаруживающего фонетические, лексические, грамматические особенности русской разговорной речи в ее функционально-стилевой ипостаси.

Обращает на себя внимание позиция авторов как непосредственных участников диалогических контактов. Собирая разговорный материал методом включенного наблюдения, они выработали систему коммуникативных поддержек, которые в каждом конкретном случае позволяют стимулировать говорение, выразить сочувствие / сопереживание, утвердить говорящего в правоте суждения, позволить ему максимально реализовать речевые способности. Экспериментальная методика сбора и обработки разговорной речи обеспечивает качество текстового материала.

Собранные тексты, разнообразные по тематическим, жанровым, собственно культурным, коммуникативно-стратегическим, хронологическим параметрам, составляют энциклопедию речевого существования столицы. Энциклопедический охват речевого взаимодействия позволяет авторам предложить стройную коллоквиалистическую концепцию.

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова отталкиваются от того, что теория разговорной речи многоаспектна: социолингвистический, коммуникативно-прагматический аспекты анализа живой речи с необходимостью учитываются. Вместе с тем основное внимание уделяется аспекту культурологическому. Речевая действительность рассматривается как органическое звено русской культуры. Особое внимание в этой связи уделяется культурным традициям, которые по-разному проявляют себя на тех или иных уровнях культуры (см. [Толстой 1999]). Так, внутри элитарной культуры прослеживается трансформация жанра литературного анекдота в жанр "байки" [например, театральные байки Б.Г. Голубовского (с. 231–238)]. Вместе с тем отмечается редуцирование отдельных речекультурных пластов, как, например, старомосковского городского просторечия.

При описании разновидностей московской речи учитываются внешние факторы,

отбор и взаимодействие которых оказываются специфическими даже в географически различных районах Москвы. Собственно лингвистические особенности речи москвичей, например, особенности произношения, объясняются на фоне внешних и внутренних факторов влияния, при этом один из последних может оказаться главенствующим (см. наблюдения о миграции населения). Широкий подход к феноменам разговорной речи позволяет, в частности, дать объективный анализ семантики неофициальных устных номинаций. В качестве примеров приведем толкования эпистемических пластов смысла в динамике: *"...Пашкин дом"* (по имени бывшего министра обороны Павла Грачева (...)) и ассоциативная связь этой номинации: *кошкин дом и дом Пашкова, Пашков дом* (с. 17). Подобные материалы могут стать основой словаря русской разговорной культуры.

В монографии предложен новый подход к жанрам речи в их соотношении с коммуникативными актами. Обозначены "жанрово-выделяющие" параметры, которые, как доказано авторами, могут быть положены в основу типологии речевых жанров. Разработанный авторами алгоритм описания жанра обеспечивает необходимый переход исследования от коммуникативной ситуации к типу текста, позволяет установить границы жанров в речевом потоке. Системно-текстовый взгляд на проблему жанра укрупняет подход к разговорной речи как психолингвистическому объекту, открывает перспективу выделения репертуара жанров, их описания в парадигматическом (набор "прямых и непрямых" стандартных жанровых форм) и синтагматическом (модели жанровой сочетаемости) аспектах.

В книге М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой обозначены основные нарративные фатические жанры. дана емкая характеристика лингвокультурных коммуникативных традиций русского фатического общения. Впечатляют не только охват жанровых форм, находящихся в объективе авторского внимания, и новизна методики анализа, но и классификационные результаты. Так, насколько нам известно, классификационный очерк рассказов-пластинок (истории-апологии, "комедии положений", анекдотические истории) предлагается впервые. В характеристику жанровых разновидностей включаются универсальные и ментально заданные константы культуры (например, универсальная оппозиция *свой – чужой* в рассказах-воспоминаниях и *кудня* как зона русского доверительного обще-

ния). Предъявлению группы текстов, объединенных по признаку жанра, предшествует их интерпретация – общая и видовая (см., например, с. 229–231).

Проведена систематизация первичных и вторичных ("объемных") жанров, заполняющих речевой быт москвичей. Описание проводится по линиям: *дом – вне дома; будни – праздники; фатика – информатика*. В центре внимания авторов – речевое существование семьи, организующим центром которого выступает *дом* (квартира, дача). Позиции коммуникантов отражаются в типовых ролях (родственники, соседи, знакомые и др.), функционально отраженных в ситуациях **стереотипных**. Последние характеризуются набором коммуникативно-жанровых категорий (например, выявляется универсальность внутрисемейного хронотопа), повторяемостью, воспроизводимостью, клишированностью, тематической заданностью и обозримостью. Материал дает возможность выявить домашние "шаблоны быта", вербальные стереотипы, отражающие культурные традиции русского семейного общения.

Стереотипные ситуации противопоставлены ситуациям **спонтанным**. Последние отличаются нежестким хронотопом, нерегулярной повторяемостью, тематическим многообразием, широким тематическим диапазоном (при наличии тематических доминант). Стереотипная целеориентированная коммуникация, организующая социально-биологический ритм семейной жизни, как показано авторами, сочетается с коммуникацией фатической, которая составляет своеобразие речевого облика русской (московской) семьи. Выведено правило "диффузного взаимопроникновения фатики и не-фатики", действующее как норма речевого семейного быта. Дан очерк монологических и диалогических жанров повседневной коммуникации. Отметим, что здесь желательна терминологическая шлифовка, в частности, выход за пределы омонимических пар терминов (ср.: *приказ* как жанр семейного предписания / *приказ* как императивный жанр официально-делового взаимодействия и др.). Разумеется, сопоставление типов речи и жанров в пределах функциональных разновидностей русской речи – задача особая. Здесь нельзя ограничиться лишь попутными замечаниями (см. с. 255–264). Рецензируемый труд содержит богатый материал для подобного сопоставления, а интерпретация этого материала заставляет усомниться в некоторых общих рассуждениях о сущности разговорной речи,

например, о нетипичности ее собственно текстовой организации (см. [Сиротинина 1994]). Разговорная речь в монографии предстает как жанровый континуум, с различными границами отдельных жанров. В их числе жанры, отлитые в стереотипы, и жанры, не имеющие общекультурной традиции, со складывающимися стереотипами (например, разговор до домофону), жанры малых форм и "объемные" жанры, бытующие в стереотипных и спонтанных ситуациях коммуникативного взаимодействия, распределенные по разным сферам общения. Системный подход к объекту, который в силу принципа спонтанности сопротивляется системному описанию, позволил М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой решить проблему создания непротиворечивой жанровой классификации. В основе концепции – фундаментальные положения московской школы функциональной лингвистики. Признавая, что оппозиция кодифицированной речи и речи разговорной на рубеже веков сместилась (с. 7–8), авторы все же используют ее в качестве базисной. Нет ли в этом противоречия? Не пора ли пересмотреть содержание самого понятия "кодификация" в его ориентации на живые языковые процессы, реальное языковое существование? Еще одно замечание связано с асистемным взглядом на просторечие. Мне кажется, что просторечие не описано еще изнутри. Будучи особым типом речевой культуры, просторечие обладает своей системной организацией, которую нельзя выявить с позиций носителя кодифицированного литературного языка.

Завершая характеристику монографии, хочу еще раз подчеркнуть ее новаторство, постановочный характер и общекультурную значимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. 1995 – Русский речевой портрет. М., 1995.
Прокуровская Н.А. 1996 – Город в зеркале своего языка. Ижевск, 1996.
Сиротинина О.Б. 1994 – Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек, текст. Культура. Екатеринбург, 1994.
Толстой Н.И. 1999 – Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Доклады Всероссийской научной конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики". Ч. 1. М., 1999.